

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

Проблема эпистемического разногласия в социальной эпистемологии

Д. К. Маслов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема эпистемологического разногласия в рамках социальной эпистемологии, в частности условия осмысленного разногласия (равная обоснованность противоречащих мнений), на фоне чего дается критика некоторых способов аргументационного «притягивания за уши» сторонами в споре. В результате мы приходим к выводу об эпистемической иррелевантности таких способов, а также указываем на существенный недостаток вероятностного подхода в социальной эпистемологии – смешение эпистемической и практической рациональности.

Ключевые слова

социальная эпистемология, эпистемология разногласия, точка зрения равновесия, байесовская эпистемология, эпистемическое «притягивание за уши»

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-78-10082)

Для цитирования

Маслов Д. К. Проблема эпистемического разногласия в социальной эпистемологии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 30–41. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

© Д. К. Маслов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

Epistemic Disagreement in Social Epistemology

D. K. Maslov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the problem of epistemic disagreement as part of social epistemology, particularly considering the conditions of rational disagreement (equal weight view). Against this background some versions of epistemic “bootstrapping” are addressed that serve to give advantage to one of the disputing parties. As a result, a conclusion is drawn that the kinds of bootstrapping portrayed are epistemically irrelevant, which also casts doubt on Bayesian epistemology, for it mixes two different types of rational decision making – practical and epistemic.

Keywords

social epistemology, epistemology of disagreement, Bayesian epistemology, equal weight view, bootstrapping

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation (project no. 18-78-10082)

For citation

Maslov D. K. Epistemic Disagreement in Social Epistemology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 30–41. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-30-41

Проблематика современной эпистемологии во многом была определена под влиянием статьи Геттиера, в которой он использовал в качестве предмета своей критики определение знания как обоснованного истинного мнения (*justified true belief*). Критика Геттиера во многом определила отход от прояснения понятия знания к обсуждению условий обоснованности мнения, так что обоснованное мнение неявно заняло место концепта знания [Williamson, 2000. P. 184]. «Мнение» понимается двояко. Некоторые эпистемологи выделяют минимальный набор возможных доксических установок по отношению к пропозиции: познающий агент может полагать пропозицию истинной, ложной или воздерживаться от суждения об ее истинности (например, Р. Фелдман с «*all-or-nothing view*», когда мнение может быть или ложным, или истинным). С другой стороны, широкое распространение

в современной эпистемологии получило понимание мнения как эпистемической единицы с различной степенью уверенности, вкладываемой в нее. Так, в зависимости от условий, степень уверенности в мнении может различаться по шкале от 0 до 1, где 0 – это полагание пропозиции ложной, а 1 – истинной. Между этими экстремумами располагается множество иных, промежуточных вариантов. В частности, это такое понимание получило новую волну поддержки благодаря популярному направлению эпистемологического байесианства. В рамках этого направления применяются вероятностные подходы к определению степени достоверности мнений (в рамках социальной эпистемологии этот подход к мнению разделяют такие авторы, как Д. Кристенсен и А. Эльга) [Lackie, 2010. P. 301]. Степень поддержки мнения (полагания его истинным) опирается на формальный аппарат, применяемый к индуктивной логике, а также на прагматический аспект самопровержения, рассматривающий принятие эпистемических решений с точки зрения теоретико-игровой рациональности, причем степень поддержки мнения рассматривается как ставка в игре. Соответственно, такой подход в эпистемологии стремится получить эпистемический «выигрыш» в виде определения наиболее вероятных мнений¹.

Достоверность мнения как доксихической установки определяется степенью ее обоснованности, т. е. зависит от силы оснований в пользу признания пропозиции истинной / ложной, или определения вероятности ее истинности. В этом отношении центральную роль играет понятие «evidence». Этот термин не имеет четкого аналога в русском языке, поскольку в зависимости от контекста слово можно переводить как «доказательство», «свидетельство», «подтверждение», «основание», «показание», «улика» и т. д. [Бутаков, 2018. С. 681–682]. Ситуация осложняется, когда речь заходит о таком виде evidence, как testimonial evidence, т. е. «сведения / свидетельства очевидца» (также существует вариант «свидетельские показания» (см.: [Греко, 2017])). Для удобства мы будем переводить «evidence» как «свидетельство», однако следует держать в уме всю многозначность этого термина. Свидетельство может пониматься достаточно широко: традиционно свидетельства сводились к чувственным восприятиям, однако сегод-

¹ При описании этого направления мы опираемся на интерпретацию Тэлботта, а не предлагаем свое понимание байесианства. Это направление набирает все больший вес в зарубежной эпистемологии, в том числе социальной, что послужило причиной его упоминания. См. *Talbott W. Bayesian Epistemology*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-bayesian/>. 2008.

ня принято допускать существование свидетельств высших порядков, т. е. свидетельства рассматриваются в том числе и как внеэмпирические сущности. Определяющим для понятия «evidence» является признак очевидности, несомненности, на что указывает и этимология: с лат. *evidens* означает ‘явный, очевидный’ [Бутаков, 2018. С. 681], именно это качество обуславливает эпистемическую роль свидетельства в обосновании. Свидетельством являются эпистемические сущности, выполняющие функцию обоснования, которые могут являться высказываниями, чувственным опытом, свидетельством других людей и т. д., т. е. все то, что в состоянии повлиять на наше эпистемическое решение в пользу признания того или иного мнения обоснованным.

Исходя из роли свидетельства в обосновании, оформилось целое направление в эпистемологии, именуемое «эвиденциализм». Последователи этого направления полагают свидетельства единственным источником обоснованности мнений и ставят степень обоснованности в прямую зависимость от степени поддержки мнения свидетельством (или силы того или иного свидетельства). Классическим выражением эвиденциализма принято считать высказывание У. Клиффорда в его работе «Этика веры» (*The Ethics of belief*, 1877): «Никто нигде и никогда не должен верить во что бы то ни было при недостаточном подтверждении (*insufficient evidence*)» (цит. по: [Бутаков, 2018. С. 681]). Ведущими современными проponentами эвиденциализма считаются Э. Кони и Р. Фелдман, и согласно этой позиции обладание свидетельством полностью определяет обоснованность мнения. Они полагают, что нормативные эпистемические факты супервентны по отношению к фактам о свидетельствах. Тем самым эпистемические нормы понимаются как возникающие из фактов о наличии тех или иных свидетельств в пользу того или иного мнения [Coney, Feldman, 2004. P. 1, 84]. Т. Уильямсон идет дальше и предлагает уравнивать знание и обладание свидетельством по формуле *Evidence = Knowledge*. Обоснованное мнение не является знанием, однако то, что делает мнение обоснованным, является знанием, следовательно, свидетельство и является знанием [Williamson, 2000. P. 184–185]. Эпистемология свидетельства исследует рациональность доксических установок в зависимости от обладания тем или иным видом свидетельств в тех или иных условиях.

В последние два десятилетия четко обозначился тренд, оформляющийся в отдельную субдисциплину под наименованием «социальная эпистемология». В отличие от сконцентрированной на единичном

познающем агенте, предметом социальной эпистемологии является обоснованность доксических установок познающего агента не только на основании собственных свидетельств, но также в связи с относящимися к делу установками другого познающего агента, которые также являются свидетельствами. Другими словами, в игру вступает социальный, дискуссионный или, если воспользоваться иным термином, диалектический момент [Lammenranta, 2011; Goldman, 2010. P. 12]. Обоснованность в рамках социальной эпистемологии понимается как производная от обладания свидетельством. Однако, по сравнению с традиционной эпистемологией, проблематика социальной эпистемологии усложняется и дополняется задачей определения рациональных стратегий принятия доксической установки ввиду противоречащих доксических установок других познающих агентов. В этом отношении Р. Фелдман придерживается лозунга «evidence of evidence is evidence», т. е. «свидетельство о свидетельстве также является свидетельством», А. Голдман говорит о «социальном свидетельстве» [Goldman, 2011. P. 14–15]. Мнение другого познающего агента также является свидетельством (среди прочих *видов* свидетельств) и может быть опровержением (defeater) исходного мнения познающего агента². Мы не сомневаемся в обоснованности мнения другого человека, когда он располагает свидетельством о чем-либо, а мы нет, соответственно мнение человека, располагающего свидетельством, является свидетельством для обоснования нашего собственного мнения. Такая картина представляется рациональной, поскольку социальные свидетельства выполняют функцию обоснования мнений.

Однако возникает проблема определения лучшего кандидата среди мнений в ситуациях разногласия в мнениях познающих агентов. В рамках традиционной эпистемологии наличие противоречащих мнений решается отсылкой к разрешающему вопросу свидетельству. Согласно тезису эвиденциализма, одно и то же свидетельство не может обосновывать два различных мнения, поскольку один набор свидетельств должен приводить к единственной возможной доксической установке [Sosa, 2010. P. 278]. Тем самым свидетельства должны однозначно решать вопрос в пользу того или иного мнения и исклю-

² Говоря о свидетельствах очевидцев, Голдман указывает на редукционистскую стратегию Юма, сводящего свидетельства очевидцев к опыту, памяти и индукции, которые и обеспечивают функцию обоснования мнения, а также на антиредукционизм Томаса Рида, который полагал свидетельства очевидцев самостоятельным и несводимым к другим видам свидетельств источником обоснования [Goldman, 2011. P. 15; Lackey, 2011. P. 73–75].

чать разногласие, благодаря чему свидетельства и могут выполнять свою эпистемическую функцию. Однако эпистемологическую идиллию традиционного эвиденциализма нарушают частые фактические исключения из этого правила и разногласие по многим вопросам является скорее правилом, чем наоборот. Традиционная эпистемология склонна видеть в фактических ситуациях противоречия ошибку в рассуждениях одной из сторон или нехватку свидетельств, поскольку при полном раскрытии всех релевантных свидетельств (*full disclosure*) рациональное разногласие должно быть невозможно.

В свою очередь, социальная эпистемология заинтересована в определении рациональных доксических стратегий ввиду мнений других познающих агентов как полноправных свидетельств. Проблема состоит в следующем. Предполагается, что всякий познающий агент следует этике принятия мнений в духе эвиденциализма и основывает свои убеждения на свидетельстве, в результате чего возникает конкуренция среди свидетельств. Насколько мнение другого агента как свидетельство может заслуживать внимания при столкновении с нашим собственным свидетельством? Отсюда вытекает вопрос: возможно ли рациональное, эпистемически интересное и значимое разногласие?

Одни эпистемологи отрицают такую возможность, в то время как другие допускают ее. Противники опираются на тезис уникальности и полагают, что для каждого разногласия существует возможность его разрешения в пользу одной из сторон после выяснения всех релевантных свидетельств [Lackey, 2010. P. 301]³. Сторонники указывают случаи, при которых разногласие может быть разрешено, и полагают их эпистемически неинтересными. В отношении этой ситуации для наличия рационального разногласия требуется выполнение ряда условий (см.: [Ribeiro, 2011]).

Речь идет о так называемом «эпистемическом равенстве» (*epistemic peerhood*) и равной обоснованности двух мнений (*equal weight view*). Эпистемически равные агенты определяются с точки зрения когнитивных способностей познающих агентов (умный / глупый), уровня подготовки и / или образования (ученый / неуч, эксперт / дилетант), использования надежных / ненадежных методов обоснования убеждения (следование логическим, техническим и т. д. правилам), должного уровня состояния сознания (бодрость, внимательность, трез-

³ Примечательно, что Э. Соса полагает тезис о полном раскрытии не имеющим большого значения, поскольку раскрытие практически не встречается [Sosa, 2010].

вость и пр.) при формировании мнения и т. д. При отсутствии одного из условий познающие агенты не будут являться равными, и, следовательно, проблема рационального разногласия не будет актуальной. В таком случае одному из противоречащих мнений следует отдать предпочтение на основании свидетельств, и спор может быть разрешен благодаря устранению причины неравенства: обучению, информированию, указанию на ошибку в рассуждении и т. д. Иными словами, свидетельства одной из сторон отвергаются как неадекватные или нерелевантные, и дальнейшая поддержка такого мнения будет неразумной. Эпистемическое равенство в суждениях приводит к ситуации равной обоснованности, весомости противоречащих мнений (*equal weight view*), т. е. рационального разногласия. Предметом исследовательского внимания стали условия возможности равной обоснованности расходящихся мнений, а также эпистемическое поведение в таких ситуациях.

В указанных обстоятельствах равновесия авторы, принимающие точку зрения множества возможных по степени поддержки мнений, предлагают различные варианты для нарушения равновесия в пользу одной из сторон, т. е. придания дополнительной убедительности собственному мнению. В литературе такие попытки получили наименование «*bootstrapping*», что можно по смыслу понимать как попытки привлечения дополнительных обстоятельств для придания собственному мнению больший вес. Переведем этот термин как «притягивание за уши». В частности, среди прочих выдвигаются такие принципы, как доверие к самому себе (*self-trust*), принцип правильности мнения в силу правильных оснований (*right-reasons view*) и принцип учета верных эпистемических решений в прошлом (*track-record*) [Lackey, 2010. P. 299–300; Elga, 2011. P. 166; Pritchard, 2012]. Принцип доверия к себе предполагает доверие к *собственному* когнитивному решению (при столкновении с другим мнением) именно в той мере, в какой оно собственное. Психологически такое действие понятно и фактически встречается довольно часто, однако эпистемологически этот принцип не выглядит внушающим доверие по многим причинам, прежде всего поскольку принадлежность мнения не является решающим основанием в условиях эпистемического равенства агентов. Если в дискуссии один оппонент представит аргумент в виде высказывания «я верю в это, потому что я в это верю», то такой аргумент будет равняться простому утверждению и не будет убедителен. Более того, если представить двух познающих агентов, следующих этому принципу, то каждый из них будет придерживаться собственного мнения ввиду разногласия, однако такое эпистеми-

ческое поведение не представляется рационально обоснованным, поскольку проблема разногласия, в сущности, игнорируется, что легко может привести к принятию ошибочного мнения. Нерационально не учитывать противоречащие мнения только на том основании, что они принадлежат другим, для этого требуется нахождение решающего аргумента или вскрытие ошибки оппонента. Поэтому этот принцип не привносит никакого когнитивного содержания в аргументацию и лишен рациональной убедительной силы. Аналогично обстоит дело с принципом правильности. Он предполагает, что нужно принять собственное мнение, потому что оно *правильно*, иными словами, потому что есть правильные основания в пользу этого мнения. В данном случае аргумент не срабатывает, поскольку факт разногласия предполагает, что оппонент также считает свои аргументы правильными. В этом отношении одно утверждение противостоит другому, следовательно, ни одно из них не может быть выбрано как лучше обоснованное. Психологически такой аргумент может иметь силу для обладателя аргумента, что может привести к ситуации, когда стороны останутся при своем и рациональная дискуссия закончится, тем самым мнение оппонента как возможно верное свидетельство будет проигнорировано. Наконец, последний принцип предлагает опираться на учет эпистемической истории вынесенных правильных и неправильных суждений. С точки зрения здравого смысла это решение кажется верным, поскольку шансы говорят в пользу того, что тот, кто чаще оказывался прав, будет прав и в следующий раз. Однако, эпистемически (если эпистемология все-таки отличается от здравого смысла и эпистемической привычки), это мнение не будет более обоснованным *заранее*, чем противоположное, поскольку каждый следующий раз шансы высказать истинное мнение равны (при условии эпистемического равенства). Иначе говоря, такой учет прошлых эпистемических достижений не гарантирует, что именно в этот раз тот, кто чаще оказывался прав в прошлом, окажется прав снова, поскольку каждый последующий раз этот агент может ошибиться и невозможно предсказать заранее, когда это случится.

Такие способы увеличения обоснованности мнения могут комбинироваться и выступать в качестве убедительного свидетельства при принятии решений. Люди склонны доверять тем, чье мнение оказывается правильным в большинстве случаев, особенно если это относится к нам самим в качестве познающих агентов. В этом отношении социальная эпистемология предлагает описание тех эпистемических привычек, которыми люди руководствуются в повседневных ситуациях принятия решений, однако, как представляется, между

эпистемическими привычкой и рациональностью существует разрыв. В качестве примера могут служить различного рода неформальные ошибки и направляющие познание предрассудки, описание которых можно встретить в учебниках логики и работах по нейроэкономике. Тем самым эти способы увеличения обоснованности относятся скорее не к эпистемологии, а к психологии принятия эпистемических решений.

Это приводит нас к следующему важному обстоятельству. Представленные способы усиления аргументативной позиции не являются эпистемически релевантными, однако они описывают фактические установки людей, причем прежде всего в условиях принятия решений в *прагматическом* контексте. При необходимости принять решение для действия вышеперечисленные доводы имеют смысл и фактически направляют наше суждение в ситуации недостатка решающих свидетельств в условиях *необходимости* принятия решения для дальнейшего *действия*. Часто упоминаемый в зарубежной литературе пример разногласия описывает ситуацию, когда приятелям нужно оплатить счет в ресторане и возникает разногласие о том, кто и сколько должен заплатить. Этот пример имеет непосредственное практическое значение. «Притягивание за уши» имеет смысл и оправдание в рамках эпистемологического байесианства, которое опирается на вероятностный подход в совокупности с прагматизмом в смысле теоретико-игровой рациональности принятия решений, что позволяет распределять вероятность истинности между спорящими мнениями. Поэтому всевозможные способы увеличения обоснованности не будут иметь силы с точки зрения противников байесианства, придерживающихся точки зрения минимального набора доксихических установок, о которой мы говорили в начале статьи, поскольку эти способы не способны устранить разногласие, но только лишь психологически подкрепляют уверенность одного из агентов в собственной правоте. Более того, из вышесказанного мы полагаем, что слабость эпистемологического байесианства состоит в смешении прагматических и эпистемических контекстов, когда принятие решений в вопросах познания уравнивается с принятием решений с теоретико-игровой точки зрения расчета правильности. Дж. Декер указал на это существенное обстоятельство с помощью примера, когда человека заставляют признать истинность некоторого мнения под страхом насилия [Decker, 2012. P. 761]. Например, с прагматической точки зрения будет разумным согласиться с мнением тех, кто угрожает нашему здоровью для сохранения здоровья и жизни, или же признать нечто истинным после длительного насильственного воздействия. Иными словами, ос-

нования для эпистемических и прагматических суждений отличаются. Принятое под страхом угрозы (или наоборот, в расчете на прямую материальную выгоду) решение не имеет *эпистемических* оснований и тем самым идет вразрез с эвиденциалистской этикой убеждения, если мы понимаем свидетельство как свидетельство в пользу признания некой пропозиции истинной, а не *только лишь* основание для совершения того или иного действия. Практические и эпистемологические контексты пересекаются, вследствие чего свидетельства могут иметь силу в обоих контекстах, однако такие контексты не являются идентичными. К примеру, возможно с эпистемической точки зрения сомневаться в истинности некоторой пропозиции и, тем не менее, поступать так, как если бы это мнение было истинным. Вопрос о существовании бога является ярким примером эпистемологически нерешенной проблемы, когда достаточные свидетельства в пользу одной из сторон отсутствуют. В частности, если обратиться к кантианской аргументации, то существование, равно как и несуществование внеэмпирических сущностей, находится вне пределов доказательства, а значит, и возможного *знания*. Однако с точки зрения полезности веры в бога имеется *практическое* основание в виде надежды на последующее воздаяние, а также психологический комфорт и чувство защищенности и т. д.

Таким образом, с точки зрения *прагматической* компоненты в байесианской аргументации наблюдается смешение практических и эпистемических контекстов, когда практически желательное или выгодное мнение на основании желательности (потому что оно *мое* или представляется *правильным*) понимается как верное с большей степенью вероятности. Это может приводить к необоснованным ходам в рассуждениях, когда не имеющие отношения к делу свидетельства могут приниматься за достаточные основания для принятия того или иного мнения. Эпистемология разногласия сохраняет свою значимость ввиду попыток придания большего веса собственному мнению.

Список литературы / References

- Бутаков П. А.** Платон, эвиденциализм и ЖТБ // SCHOLH. 2018. Вып. 12. № 2. С. 669–685.
Butakov P. A. Platon, evidentsializm i ЖТБ [Plato, Evidentialism and ЖТБ]. SCHOLH, 2018, vol. 12, no. 2, p. 669–685. (In Russ.)

- Греко Дж.** Свидетельство и передача религиозного знания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 17–45.
- Greko J.** Svidetelstvo i peredacha religioznogo znaniya [Evidence and testimony of religious knowledge]. *Jepistemologiya i filosofiya nauki* [*Epistemology and Philosophy of Science*], 2017, vol. 53, no. 3, p. 17–45. (In Russ.)
- Coney E., Feldman R.** Evidentialism. *Essays in Epistemology*. New York, Oxford Uni. Press, 2004. 321 p.
- Decker J.** Disagreement, evidence, and agnosticism. *Synthese*, 2012, vol. 187, no. 2, p. 753–783.
- Elga A.** Reflection and Disagreement. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). *Social epistemology. Essential readings*. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 158–182.
- Goldman A.** A Guide to Social Epistemology. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). *Social epistemology. Essential readings*. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 11–37.
- Goldman A.** Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). *Social epistemology*. New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 1–28.
- Lackey J.** A Justificationist View of Disagreement's Epistemic Significance. *Social epistemology*. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 298–325.
- Lackey J.** Testimony: Acquiring Knowledge from Others. In: Goldman A., Whitcomb D. (eds.). *Social epistemology. Essential readings*. New York, Oxford Uni. Press, 2011, p. 71–91.
- Lammenranta M.** Scepticism and Disagreement. In: Machuca D. (ed.). *Pyhrronism in ancient modern and contemporary philosophy*. Dordrecht, Springer, 2011, p. 203–215.
- Pritchard D.** Disagreement, Scepticism and Track-Record argument. In: Machuca D. (ed.). *Disagreement and Scepticism*. New York, Routledge, 2012, p. 150–168.
- Ribeiro B.** Philosophy and Disagreement. *Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofia*, 2011, vol. 43, no. 127, p. 3–25.
- Sosa E.** Philosophy and Disagreement. In: Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds.). *Social epistemology*. New York, Oxford Uni. Press, 2010, p. 278–297.
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2000.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Маслов Денис Константинович, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Denis K. Maslov, junior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAN (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

denn.maslov@gmail.com